

***

Гостиница, обещавшая мне деловые бумаги, приходилась тенью Ставке командующих – то ли фронтами, то ли ближней землей и огородами, но в главные проживатели вышла армия.

Три звезды заезжего дома изобразил на вывеске – полковничий погон. Мраморный холл запекшегося багрянца предлагал ожидающим встреч и событий – или, как я, документов – высидеть нужное на стуле, прозрачную глубину чьей спинки намекал

железный контур, угоститься чаем-хаки – и сгрести уйму прекрасных покупок. Футболки выглядывали хозяина из трех витрин и соблазняли севшим на грудь рисунком: снайперы, автоматчики, огнемечники, лучники – и все целились в окружающих. Подарочную грезу «Сумка офицера» распирала штуки неясного установления, но, несомненно, наперченные войной. Флаконы армейской парфюмерии нахватались фасонов гранаты и снарядных осколков. С наличника над входом пялились рогатые и бородатые головы и звались «77 козлов, бежавших с бойни, чтобы вступить в ряды всемогущей армии США». Им противостоял живой экран – над стойкой администрации гранд-коккет ста с небольшим в соломенной шляпке, широкополые сети с которой спадали ей на щеки, и в крепдешинах из развеявшегося лета разглаживала трубочки-фотографии и жужжала журналисту, забывшему в кадре нос, о геройском папуле, чье имя не подлежит выгоранию! О красавце – женщины ахали! И стороны света, и воды, и воздуха! О метком, попадавшем в бабочку на лету! Сквозь шкаф – в грызущую их с мамочкой шубки моль! Об успешном ловце – 100 хвостов на один крючок! О великом танцоре: балет сколь угодно большого театра – на раз!

– И когда твердят, будто папочка убил человека... во-первых, не человека, а предателя! А во-вторых – да ему было некогда! – объясняла староккетка. – Он руководил, распределял, назначал, подписывал, контролировал... И по случаю вальсировал с мамочкой, привозил мне кукол, что вечно вопили: «Мама!» – и растил наш сад... вы в курсе, что муравьев и тлю надо убирать вручную? А если кто-то вменяет ему дюжину убиенных... – и с пунцовых губ рассказчицы

свивалась яблочная кожура смеха. – На ликвидацию одного, ну двух – предателя и клеветника, – еще можно выкроить время, но – двадцать?! Да дешевле довести их до упразднения от естественных причин! – и, чтоб повысить культуру и историческую память населения, сварливица, игриво ткнув спецкора, предлагала украсить дома, где бывал папочка, мемориальной доской – и в отчизне, и по всему миру.

Возможно, и этот экран держал милитаристскую ноту.

Наконец нужные бумаги вошли мне в руки.

И, провожая меня, опять дребезжал смех.

– В том времени мно-ого кто не был. Точнее, мало кто был. Но кроты точно были. Т-сс!

Главные преступники – кроты!

Тротуар под гостиницей был расколот – и в ожидании новых путей вывернутые куски асфальта смахивали на кисти рук, каковые отрубают за воровство и иные шалости...

***

На ступенях, сбегающих от парадного в свежее утро, вдруг раскутались маргиналии: амфитеатр – не из благородных материй, но из полых башмаков: мыс в мыс, полость к полости – или к ветерку и безлюдью. Итого: девы-ласточки одного полета – свистульки на затянувшемся каблуке, танцорки, вхожие в крылья стрекоз... Пляжные кокетки – припудрены блеском моря, и попрыгуньи – для партии с мячом... Романтичные танкетки в галстуке –

в классические концерты... Босоножки, сплетенные из тимьяна и мака – к дачным похождениям, и сникерсы – против негостеприимства осени, опрокидывающей тут и там чернильницы, заливая рукопись лета... Опушенные зайцем ботильоны в корсете-шнуровке – для дегустаций первого снега, а линией ниже – чернокожие голенастые сестры Сапожок, протезе двух последних зим. Запряжка для проходов с кинокефалом сквозь ранний, цепенеющий от рявканья свет... Еще ниже – матроны на выгулку растущего рода... Домоправительницы, коим явно к носу очки на вяжущей дужки резинке, слимонившие силуэт с тазов и кастрюль, и голубицы тише травы, чтоб расслышать всякий возглас Судьбы, закушенное ехидство – и шелест веток, когда сбрасывают на землю не тень, но арканы и петли...

Где воительница сей стаи нашла другое счастье?

Оставив предводителя не помню какой мануфактуры с золотым девизом: творим добро, которое надолго переживет владельца! Не сошлись ли то мнительные фигуры-обманки – и вечно подшивают к своим испугам чье-то неделикатное присутствие, курящийся каприз? Но подозрения отмело новое утро, срезав команду – до не сумевших никому приглянуться парочек: разбитных любителей кроссов, что рассасывали под языком какую-то посрамленную скорость, и театралок на шпильке – бархат, изнуренный хождением по вымыслам...

Возможно, те руки, что выставили из тьмы осиротевшую шатю, тайно вложили под все ее стельки маршруты былой хозяйки. Или обезьяны своей госпожи сами сворачивают туда, куда их водили, и носят из происшествий – то шершня, то медведку с пером, то многозубку – в ее отныне бессобытийное житье... Пусть не простаивает кутерьма и не скучают проходные дворы!

Как говорил другой заботник: ваша любовь к царице текучего – воде нашего разлива – ноль три и ноль семь сделает путь ваш слаще материнского молока, и вы легко дойдете до скончания века.

... Где-то в подсознании ночи бьют часы – в соседях, в верхах... И сродники их, что расползлись по другим столам и стенам, упрятались в дерево, ввалились в глину и в волну, не то вкрались к кому-то в манжет, со всех углов откликаются – звоном ножниц и дискантами насекомых, стрекотом недоеденной тарелки ягод, клохтаньем путающего спицы вязанья и верезгом сгоревшей розетки... Хотя, возможно, на всех – разное время. Так деревенские задворки окликают друг друга песьими голосами. Или в снах библиотеки пересвистываются книги, что написаны на один бродячий сюжет. Так, возможно, подружки-туфли из подхваченных новых жилищ, кои Золушкам пришлось впору, ну или чуть защемили, перекликаются друг с другом вздохом и хрустом и хвалятся, где побывали.

Не так ли аукаются камни, что назавтра
полетят в одном направлении?

***

Зрелище для подиума трамвайных апологетов –
противонесущая лестница в Великие Распродажи,
и рой светильников с расцветной мглы льет на нее
славу. К пуску же подбивается группировка «Неутоленные».
И пока ни дверь, ни трамвай не спешат, исчисляешь,
сбудется ли мечта, что снедает меня год за годом:
если в ступенчатых – чет, через час же!
Но компания все прибывает, и участь моя мерцает...
Впрочем, всё, да не всё сбывают на Олимпе!
И чуть свет вскипают низовые торги.
Слежавшиеся в кузнечиках столы разжимают
конечности и вытягиваются в стольный поезд...
Прикатившие на автомобилях сумы-челночницы
бесстыдно распахиваются до кишок, а мелочовка
гонит на покупательских тележках, давно
отчужденных от магазина.
Полоса превращений, что еще?
Поднявшиеся в ящиках каракули рассады и срезы
с месторождений кураги и изюма переходят
в абрикосы и винограды, в яблоки,
черные и белые шары, снеговик, морковь, сев...
Мухи и осы, искры и прочий крап над носом
вдвинутого в инобытие авто превращаются
в большой и малый баночный мед, а блузончик,
шорты и босоножки на прилавках преображаются
в фуфайку, пуховик, сапоги, галифе,
стратегические планы...
Тарелки и вазочки, балаболки и бонбоньерки
оборачиваются штофом и стопками...

Набранные в окрестной тональности
и, пожалуй, больше, чем на себя,
похожи на незалеченную хандру...
Вернисажи «Вдали от центра мира».

Но на излете товарняка вдруг – неистовый,
переливчатый костер! Страстное золотое,
самозабвенно-пурпурное, ребячливый голубой.
О завораживающие соцветия!
Но подберешься – и обнаружишь,
что за секрет вложила в лепестки тетя-мастер,
обращенная в коммерсанта: то хохол атласной
ленты и кружево, то бумагу и войлок, то бусины,
проволоку и клей. Хотя те, кому назначены
букет и венок, едва ли приметят – незваные материи,
нанизанные на хитрость.

Так не вполне благородны деревья
на заброшенном кладбище, каковое красный дракон –
мой трамвай – ежедневно пытается облететь.
И сосны малорослы, а плечи подбиты ватином тьмы,
и березы – калеки: горбаты и длинноруки,
поставлены под странным наклоном!
Так что наклонности налицо: отламывают
на прокорм – от уснувших. Кстати, тоже
в переходном периоде – в падальщиков.
И если по весне кто-то, причастный к метаморфозам,
задумается о сих хворостах и плеснет им
азарта и стартовой зелени, трепещут
совсем низко... Должно, чтоб объятые сном
смогли дотянуться – не взором, так к пикировкам
и шелесту, к ладанным ароматам... и вновь прохлопают –
все погрешности явленного...

Или напротив: стервятник здесь вытянется в рыжебородый сосновый столп, а белоголовый сип – в многошумное белотелое дерево. Да и те, кто под ними, коснувшись превращения, тоже... ну и так далее.

***

Пацанва Князя Тьмы, выводок ежевечерний, ссыпается ко мне в дом, чтоб пристроить здесь до полуночи пять-семь убийств. И походя, по привычке, подпиливают щиколотки шкафов, подрезают шейный шнурок на люстре, впихивают взрывное в недодвинутые ящики, вдергивают в мирные пояски – манию змеи, полнят золотые и серебряные сосуды малярными комарами и шершнями... Даже ноздри розеток сочатся ядом, а уж стручки улыбок... И что меняет, что прикрылись детективной эпопеей?

Жалуют несколько серий подряд, и если в какой-то – лишь одно убийство, бесславят размах человеческого душегубства. Так что список убиенных прирастает не хуже весенних укушенных клещами.

Смерть исполнена очень сочно – мертвецы раскинулись в живописных позурах, стараясь не дышать, пурпур истекает из всех их летков – укоренившихся и внезапных.

Печальные жертвы пламени сложат – из черного хвороста, а мумию, коей вздумалось выброситься из стен, обеспечат прорехой и червивым внутренним содержанием. Фабрика-кухня – к вашим услугам.

Убийцу будут искать везде, и на луне, и в зеркалах, и сцапают в течение сорока минут. Но чти главную заповедь: первого фигуранта прищемить сразу – осыпан уликами, как вода – рыбами, но поскольку все в шаге от старта – вдруг пресытиться обилием вещдока и с отвращением выпустить. Четверть часа спустя упасть на хвост другому подозреваемому – но опять вотще, не раскрывать же лихоимство посреди серии.

И лишь в законном финале найти полновесного кровопийцу. Можно вернуть на вакансию – стартового: вот она, любовь с первого взгляда!

В апогее придется выслушать исповедь монстра – экзотические воззрения на жизнь и смерть.

И осудить в себе неприятие чужого мнения – и возлюбить его.

Но это не исход – следующим же вечером сдадут площадку другой уголовке.

Возможно, сценаристы обдумывают преступления все свободное время, однако выдумки их мельчают – и мотивы все те же, и исполнительский стиль...

Пули, отравления, удушения, наезды, взрывы, поджоги, похищения, сброс с крыши, из окна или с поезда, порча тормозов, утопление в бетоне, растащивка на органы... но вряд ли зло сможет раскрыться как-то неожиданно, разве удушить бриллиантовым колье, захлопнуть в складных дверях космического шаттла, тюкнуть черепом снежного человека, подкопать в могилу к римскому Папе. Как на том аукционе: главным лотом выставлена невинность, и клянутся пустить выручку на благотворительность,

а на деле – тайная плата за переаттестацию и новый торг...

Впрочем, если все зло перепробовано, значит – исчислено, и раздроблено царство его, и дано не то мидянам и персам, не то мне, соседям и чадам их, и иным сородичам и друзьям, и низринуто – в пошляцкое массовое искусство...

***

Так говорит советник ассоциации Р., помогавший Господу расстилать цветы и плоды, но не всюду, а там, где встал сам, однако без надела сего мир бы обезобразила прореха... если сердцу вашему любезны, говорит он, эти краснощекие ягоды и дом их – архитектурная форма куст, и вы уверены: пред вами – не чертеж, на который опрокинули склянку с кармином в тысячу брызг, то не оставите их в угрюмой тени гиганта амбициозных деревьев и позаботитесь спилить, свалить, опрокинуть возгордившегося. К тому же высокий объект навязчив для вольного взора. И всем ревнующим, коих вы обошли своим жаром и кто могут быть враждебны вашим избранницам, несомненно, тоже стоит поджать кислород. Если же малышам, высыпающим вам навстречу, как облако ягод, не хватит зонтов или шляпок, а чертежу – плоти, свяжите им одежды из листьев окружающих. Подрядите команду хранителей, преторианцев, гвардейцев и псовых, чтобы денно и ночью отмахивали и отшатывали от фавориток алчбу, чревоугодие, лживость, предательство, яд и огонь,

войну и революцию, приглашены ли они – в тела членистоногие и сеткокрылые, златоглазые козявочные, голохвостые или копытные, косматые, многорогие... Пусть отирают с ланит избранниц и с фартучков все случайные черты. Увлечите их только собой! И найдется ли что слаще для вас, чем ваши красавицы? И чтоб не вкралась в платья дозорных расчленители, надлежит вести строжайший отбор. Добиваясь ответного чувства, выясните меню, что предпочитают ваши девочки, и увеселяйте их поющими водами, бегущими из дальних стран, и обращайтесь бегущих в вино. Наконец, подарите всем взошедшим на кусте барышням имена, чтобы подчеркнуть индивидуальность. Читайте по их лицам, проникайте в их размолвки, разделяйте правых и виноватых, защищайте обиженных, осуществляйте духовное руководство. Станьте их биографом... И что, если столько имен не запомнить? Напишите книгу имен. А сколько геройских предводителей семейств самоотверженно плодятся и размножаются по наказу Господа, как листья весны, и не могут перестать, так что вся делянка вокруг полна детьми числом – счастье! И дети их ревностно следуют не то наказу и примеру, не то прогрессии, и отпрыски этих...

И если нет возможности упомянуть имена внуков, и правнуков, и всех потомков, не говоря о лицах, характерах, отличии, это ли повод остановиться?

***

Кто больше возлюбит друг друга – кутюрье, которому благодарный мир оторвал от себя бриллиантовую пуговицу, – и счастливец, оторвавший себе ковчег с новостями? Но, увы, впадает с них в ярость, и стыдит, и отчитывает ковчег... Или первая жена застегнутого на бриллианты – и его седьмое законное юное счастье? Потерявшее глаз предместье – и район в фонариках веселых заведений? Или секретный самолет – и растянувшаяся до Поднебесной толпа спецов с гаечными ключами и копировальными аппаратами? Или первыми шумно облобызаются Запад и Восток?

Кстати, об очереди. Языки убоившиеся не шепнут храбрецу, перелюбленному солнцем востока, чтобы не пристраивался рядом с выбеленными староживами. Впрочем, запавшими глубоко в себя, чтоб вот-вот провалиться без остатка, но пока, как корабль, век тому осевший на дно, слушает чавканье пожирающих его гад, так эти внемлют ручьям, обмывающим их косточки, глинистым желтым, или тинной каше, или каменной сыпучке... И кому-то из безнадежно прохлопавших все на свете мнится, будто меж пальцев у него паутина.

Однако высажены – под табло, на котором мерцает спасательная команда, кто сейчас перебросит с руки на руку чьи-то сердце или печенку, завертит юлой почки или обдует желудок – и вернет сверкающими, почти дебютными. Даже выведен счет игры, которую эскулапы охотно сдадут немощным, лишь бы радовались

и не строчили жалоб. Понедельник: 8–13,
среда: 14–18...

И тут молодой восточноподданный падает
на оттаявший стул в почти недвижимой очереди –
и в ожидании не то всеобщего исцеления, не то
подруги из ближней двери не смеет предаться скуке.
Так что собеседует с плавающей у него в айфоне
головой. И раз пловчиха отстала от здешних
печалей – не меньше чем на вытянутую руку, –
приходится кричать, как иные – в ковчег
с новостями. И, конечно, пользоваться
нездешний язык с отвратительной сыростью:
склизкими, слипшимися согласными,
что шлепаются в ушные кошели староживущих –
и вот-вот потопят. Отчего даже корабль на дне
чувствует, как ноют все зубы, его грызущие...
И о темной, возрастающей и все облипающей речи
плачут звоном окрестные окна, и скулят водостоки,
и провода тоскливо свиваются в петли...
А в соседней лаборатории разрываются тонкотелые
склянки с анализами...

О-хо-хо, кого сегодня забрасываем камнями?
Ну хоть змеями и марлевыми масками,
в которые надышали грипп?
Того, кто скажет: должен ли я расторгнуть
свои веселые дела и посвятить себя вашей моли?
И спросит: не заметили, что у вас на пальцах паутина?
Что, совсем ничего не заметили?

По крайней мере, остается загадкой – все видели
и слышали, как многословный молодой человек
все время был здесь – и вдруг его не стало нигде!